

Scan to know paper details and
author's profile

Nikolai Marr's Theory of the Labor Origin of the Language and its Sources

Aleksey V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the theory of the labor origin of the language, which is the most important element of Nikolai Marr. The author reveals some of the nuances of its creation and notes the inconsistency of this theory. Based on this, questions are raised about the relevance of N. Marr's theory of glottogenesis and the relevance of the entire theory of the labor origin of the language as a whole for modern science. Important attention is paid to the sources of N. Marr's "New doctrine of language". First of all, the author analyzes the Marxist theory of the labor origin of man and his language, which was especially developed in the work of Friedrich Engels "The role of labor in the process of the transition from ape to man". The second most important place is occupied by the tool concept of the origin of the language of Ludwig Noiré. This concept received an excellent schematic explication in his work "The tool of labor and its significance in the history of the development of mankind". Of particular importance is the concept of "mimic language" by Wilhelm Wundt, presented in his work *The Soul of Man and Animals*, which is not related to the labor theory of the origin of language. Two versions of the labor principle of glottogenesis that is, theories of F. Engels and L. Noiré most influenced the formation of the N. Marr's "New doctrine of language", one of the deep developments of which was a detailed, contradictory and extremely complicated concept of the origin of the language.

Keywords: nikolai marr, glottogenesis, labor, tool of labor, "new doctrine of language", manual (linear, kinetic) language, sound language.

Classification: LCC Code: P125

Language: English

Great Britain
Journals Press

LJP Copyright ID: 573314

Print ISSN: 2515-5784

Online ISSN: 2515-5792

London Journal of Research in Humanities & Social Science

Volume 24 | Issue 10 | Compilation 1.0

Nikolai Marr's Theory of the Labor Origin of the Language and its Sources

Концепция Трудового Происхождения языка Н.Я. Марра и ее Источники

Aleksey V. Nikandrov

ABSTRACT

*The article is devoted to the analysis of the theory of the labor origin of the language, which is the most important element of Nikolai Marr. The author reveals some of the nuances of its creation and notes the inconsistency of this theory. Based on this, questions are raised about the relevance of N. Marr's theory of glottogenesis and the relevance of the entire theory of the labor origin of the language as a whole for modern science. Important attention is paid to the sources of N. Marr's "New doctrine of language". First of all, the author analyzes the Marxist theory of the labor origin of man and his language, which was especially developed in the work of Friedrich Engels "The role of labor in the process of the transition from ape to man". The second most important place is occupied by the tool concept of the origin of the language of Ludwig Noiré. This concept received an excellent schematic explication in his work "The tool of labor and its significance in the history of the development of mankind". Of particular importance is the concept of "mimic language" by Wilhelm Wundt, presented in his work *The Soul of Man and Animals*, which is not related to the labor theory of the origin of language. Two versions of the labor principle of glottogenesis that is, theories of F. Engels and L. Noiré most influenced the formation of the N. Marr's "New doctrine of language", one of the deep developments of which was a detailed, contradictory and extremely complicated concept of the origin of the language. It was based on the hypothesis of the era of manual language and on the hypothesis of the decisive role of tools in the formation of sound language and logical thinking. The main drawback of the conception of Nikolai Marr was its inconsistency due to the fact that the scientist,*

without any evidence, introduced into his theory the principles of "labor-magic activity" and the four primary elements of language (SAL, BER, JON, ROŠ). These contradictions and theoretically unsubstantiated constructions did not cancel the originality and constructiveness of a number of ideas embedded in Marrism. However, due to these contradictions and shortcomings, the glottogenetic concept of Nikolai Marr could not develop into a coherent theory. It remained a collection of interesting and important, but often strange, fantastic, grotesque ideas.

Keywords: nikolai marr, glottogenesis, labor, tool of labor, "new doctrine of language", manual (linear, kinetic) language, sound language.

Author: Lomonosov Moscow State University.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу концепции трудового происхождения языка, являющейся составной частью «Нового учения о языке» Н.Я. Марра. Вскрывая коллизии ее создания и противоречивость, автор ставит вопросы о ее актуальности для современной лингвистики и антропологии, а также об актуальности теории трудового происхождения языка в целом. Особое внимание уделяется источникам «Нового учения о языке» Н.Я. Марра. К этим источникам в первую очередь принадлежит марксистская теория трудового происхождения человека и его языка, яркое развитие получившая в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Второе по значению место занимает орудийная

концепция происхождения языка Л. Нуаре, наиболее выраженную концептуализацию получившая в его работе «Орудие труда и его значение в истории развития человечества». Особняком стоит концепция первичности «мимического языка» В. Вундта, представленная в его работе «Душа человека и животных». Версии трудового принципа глоттогенеза Ф. Энгельса и Л. Нуаре в наибольшей степени повлияли на формирование «Нового учения о языке» Н.Я. Марра, одной из важнейших сторон которого стала панорамная, сложная и очень спорная концепция происхождения языка. Важнейшими составными частями данной концепции стали гипотеза об эпохе ручного языка и гипотеза об определяющей роли орудий труда в формировании звукового языка и логического, понятийного мышления. Основным недостатком концепции Н.Я. Марра были ее противоречия, рожденные некоторыми аксиоматично введенными Н.Я. Марром принципами, связанными с построением схемы происхождения звукового языка: принципом «труд-магизма» и гипотезой учением четырех первоэлементов языка. Эти противоречия не отменяли оригинальность и определенную конструктивность ряда идей, заложенных в марризме, однако они стали причиной того, что глоттогенетическая концепция Н.Я. Марра не могла развиваться в цельную теорию, оставшись суммой интересных и прорывных, – но вместе с ними также и фантастических идей.

Ключевые слова: н.я. марр, глоттогенез, труд, орудие труда, «новое учение о языке», ручной (линейный, кинетический) язык, звуковой язык.

I. ВВЕДЕНИЕ: АКТУАЛЬНО ЛИ УЧЕНИЕ Н.Я. МАРРА?

«Новое учение о языке» создавалось академиком Н.Я. Марром в сотрудничестве с его единомышленниками, сотрудниками и соратниками, многие из которых становились «адептами», начиная приблизительно с середины 1920-х гг. Основой «Нового учения»,

или марризма, была яфетическая теория Марра, декларируемым же методом переработки и развития было марксистско-ленинское учение; и как синтез яфетидологии и марксизма «Новое учение» представлялось создателями во главе с Марром как «марксизм в языкознании». На рубеже 1920–1930-х гг. марризм приобрел почти монопольное положение в советской лингвистике, превратившись в императивную методологическую систему, и оставался таковой вплоть до первого выступления И.В. Сталина по проблемам языкознания – 20 июня 1950 г. в «Правде» в ходе дискуссии по вопросам языкознания, объявленной 9 мая этого года, была опубликована первая статья из серии его работ по языкознанию. Эта акция имела исключительно политические мотивы и основания (Никандров 2023), и по обыкновению тех лет, марризм был разгромлен и прекратил свое существование, а труды Марра, как и работы марристов, были преданы забвению.

Интерес к этой истории был возрожден с выходом фундаментального исследования В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» в 1991 г. (Алпатов 2018), и с тех пор не угасал. Однако, по сути дела, центральной фигурой всей истории, связанной с Марром и его «Новым учением», был вовсе не Марр, а Сталин. Исходя только из этого и только этим определялась актуальность всех исследований в области отечественной и зарубежной маррологии. Теория Марра как таковая начиная с 1950 г. стала восприниматься и исследоваться в первую очередь преимущественно со стороны своих недостатков, противоречий и попросту нелепостей; во вторую же – со стороны политической заостренности и идеологического наполнения. Основное внимание уделялось политическим сторонам марризма – принципу классовости языка и рассмотрению его истории исходя из трактовки «язык как надстройка», опровергнуты и справедливо отвергнуты Сталиным. Но вместе с этим Сталин если не поставил под сомнение, то в любом случае вывел из центра лингвистических

исследований трудовую теорию происхождения языка, которая была важнейшей составной частью не только марризма, но, собственно, марксизма. Всем известна сталинская характеристика учения Марра как «трудмагической тарабарщины» (Сталин 1953: 38). В самом деле, магия в конструкциях Марра играет огромную роль, будучи прямо и прочно связана с возникновением звукового языка. Магия в объяснениях происхождения языка Марра приобретает гипертрофированное значение, и по сути, оттесняет труд, заслоняя собой картину глоттогенеза. Однако эти противоречия учения Марра не могут снизить его значения и не могут «дезаурировать» новизну и вычеркнуть его существенный вклад в трудовую теорию глоттогенеза.

II. ТЕОРИИ ТРУДОВОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Ф. Энгельса и Л. Нуаре: краткий эскиз

По времени написания статья «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» формально была первой работой, в которой была развернуто и ясно сформулирована трудовая гипотеза происхождения языка. Название принадлежит самому Энгельсу. Работа была написана к 1876 г., а чуть позже он собирался включить ее в состав будущей «Диалектики природы», оставшейся незавершенной. Как отдельная публикация «Роль труда» впервые была опубликована спустя год после смерти Энгельса, а в составе неоконченной «Диалектики природы» – в 1925 г. в СССР. Впервые на русском языке под названием «Роль труда в процессе развития обезьяны в человека» работа вышла в 1906 г. в серии брошюр «Знание – польза» знаменитого издательства Марии Малых (Энгельс 1906).

Труд концептуализируется Энгельсом как осмысленная и целесообразная, целенаправленная коллективная деятельность с применением искусственных орудий (общественное производство), в отличие от инстинктивного «труда» животных. Труд в философской мысли Маркса и Энгельса

является фундаментальной категорией и, говоря словами первого, составляет родовую сущность человека. Не мышление и даже не язык, но именно труд является гранью, отделяющей человека от животных. Идея о созидании трудом человека предшествует рассуждениям Энгельса, который не приходит к этому выводу, а исходит из него: «...Мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Энгельс 1940: 134). – И далее: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» (Там же: 137). Как легко увидеть, труд предшествует иным факторам антропогенеза, тогда как коллективность и коммуникация являются необходимыми условиями, но не собственно факторами. Язык является отличительной способностью человека, но как антропогенетический фактор он безусловно подчинен труду.

Труд стал возможен начиная строго с того момента, как обезьяна (определенный вид обезьян) обрела способность прямохождения, которая «развязала» ей руки, чем «был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку» (Там же: 134). Рука в этой конструкции – перводвигатель антропогенеза, человек сотворяет себя сам «трудовой рукой» (это выражение любил Марр), которая «является не только органом труда, она также и продукт его» (Там же: 135). Обезьяна постепенно становится человеком в процессе орудийного труда, ибо, по Энгельсу, «специализация руки означает появление орудия, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу – производство» (Там же: 16).

Труд в концепции Энгельса связан с появлением языка, речи напрямую: роль орудий особым образом им не акцентируется, ибо они необходимым образом уже включены в процесс коллективного труда, производства. Язык возникает в процессе труда и трудового общения как элемент производственного процесса, наряду со сплочением и взаимной

поддержкой членов первобытных «трудовых коллективов». Едва ли Энгельса хотя бы и в самых общих чертах занимал механизм глоттогенеза: от этой проблемы он избавляется довольно малозначительной фразой «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*» (Там же: 136). А.А. Леонтьев справедливо переформулирует это утверждение следующим образом: «...Применительно к первобытному коллективу можно сформулировать это так: речь – это не столько общения *во время* труда, сколько общения *для труда*» (Леонтьев 1972: 141).

Мышление у Энгельса предшествует труду, то есть, иными словами, поскольку обезьяна, приступившая к труду, – потенциально уже человек, то для того, чтобы труд стал вообще возможен в этой конструкции, Энгельс, вдохновившись дарвиновской работой «Происхождение человека и половой отбор» (1871), постулирует наличие способности мышления, т.е. всех видов рассудочной деятельности (индукция, дедукция, анализ, синтез и т.д.), у животных: «По типу все эти методы – стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования – совершенно одинаковы у человека и у высших животных» (Энгельс 1940: 178).

В работах, посвященных происхождению языка, часто говорят о трудовой теории происхождения языка Энгельса-Нуаре (иногда Нуаре-Энгельса). Удивительным образом эти две гипотезы, связывающие происхождение языка с трудом, с трудовой деятельностью проточеловеческих коллективов, сложились практически одновременно и были выдвинуты формально чуть ли не в один год: известная статья Энгельса была написана, повторим, к 1876 г., книги Людвига Нуаре «Происхождение языка» и «Орудие труда и его значение в истории развития человечества» были опубликованы соответственно в 1877 и 1880 г.; так что если бы Энгельс дописал и опубликовал «Роль труда» в 1876 г., то ему

принадлежал бы безусловный приоритет в выдвижении трудовой теории глоттогенеза.

Нуаре исходит из того, что «как язык, так и орудие труда, инструмент, является специфически характерным для человека. В этом отношении человеческий мир и животный мир без единого исключения резко разграничены» (Нуаре 1925: 138). Главным, отправным глотто- и антропогенетическим фактором у Нуаре является не труд как интегральное целое (как у Энгельса), но именно орудие труда как отдельно взятый элемент процесса производства, поскольку это орудие «имеет характер универсальной или *всеобщей идеи*» (Там же: 184). Нуаре принадлежит детальная разработка, фактически алгоритм преобразования и формирования человеческой природы силой инструментального, орудийного труда. В совокупности двух работ немецкого мыслителя мы обнаруживаем детальные схемы, зарисовки порождения языка под влиянием использования орудий труда; показываются свойства орудия труда как такового, которые и позволяют ему стать фактором глотто- и антропогенеза.

Рука – орудие орудий (Аристотель) – в его концепции занимает примерно такое же место, как и в картине Энгельса: она, если мы берем ее аналитически выделенно, как своего рода отдельную «сущность», а не элемент процесса, предшествует разуму, однако и «развитие разума составляет необходимую предпосылку совершенной формы и многосторонней деятельности руки» (Там же: 124). Но рука, «вооруженная» орудием труда, «трудовая рука», – это перводвигатель человеческой истории: «...Решительный шаг из области животной активности в область человеческой активности был сделан тогда, когда в руку вложены были инструменты, орудия труда...» (Там же: 135).

Орудие труда, согласно мысли Нуаре, не может быть создано и применено без участия разума. Если Энгельс приписывает способность мышления животным, то Нуаре, для которого мышление и язык – *proprium* человека,

вынужден допустить доорудийное состояние разума человека: «Как бы ни противилась тому наша фантазия, мы все же должны принять, что между первобытной мглой, окружающей беспросветное существование многих поколений наших предков при совершенном отсутствии языка и разума, и начавшимся впоследствии человеческим развитием, лежала полоса едва освещенных редкими проблесками сумерек, в которых человек уже владел языком и разумом, но не владел еще орудиями труда» (Там же: 57). Это состояние не может быть концептуализировано более развернуто, и так в учении Нуаре остается фундаментальное зияние: объяснить появление протоязыка и проторазума невозможно, так что приходится принимать это положение без каких-либо обоснований.

III. ТРУДОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА Н.Я. МАРРА

И.В. Сталин задается вопросом: «Был ли прав Н.Я. Марр, причислив язык к разряду орудий производства?» (Сталин 1953: 37). Ответ, конечно, отрицательный, ибо «орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или “производит” всего лишь слова» (Там же). В самом деле, сводит к абсурду Сталин, «если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире» (Там же). Именно так, утрированно, и стало восприниматься учение Марра после выхода сталинских работ, – хотя в упрощении проблемы сущности языка логичнее упрекнуть самого Сталина: фраза «язык ничего не производит или “производит” всего лишь слова», мягко говоря, нелепа (как и фраза «орудия производства производят материальные блага» не в меньшей степени). Однако, как было подчеркнуто, труды и идеи Марра после 1950 г. воспринимались почти исключительно сквозь призму сталинских работ, и тезис о языке как об орудии производства, который будет разобран дальше, воспринимался именно в сталинском

видении, как тезис о языке, который напрямую производит материальные блага.

Сталинская постановка такова: «Звуковой язык, или язык слов, был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей» (Там же: 46). За этим и вышеприведенными утверждениями, кажущимися на первый взгляд тривиальными, а то и упрощенными («язык слов»), стоят совсем нетривиальные коллизии, связанные с учением Н.Я. Марра прежде всего в его глоттогенетической части: Сталин (помимо прочего) энергично отвергает марровскую концепцию ручного языка. Что же утверждал Марр, в чем состоит его концепция?

Марр конструирует панорамный процесс зарождения языка в связи с прогрессом материального производства. Эту картину он разделяет на два этапа, даже две эры: эра ручного (синонимы Марра: «кинетического», «линейного», редко «графического») языка и эра звукового языка. Звуковой язык, разумеется, является языком более высокого порядка; и именно он связывается в картине Марра с созданием искусственных орудий труда. Однако ручной язык, хотя и примитивен по сравнению с позднейшим звуковым, но это – полноценное средство общения, в котором реализуется способность к символизации, т.е. язык в собственном смысле слова: «Ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связи с ним, идеологически общественность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой» (Марр 1936: 202).

Как ученый, полагавший себя марксистом в языкознании, Марр ставит цель создать марксистскую концепцию происхождения языка, т.е. объяснить порождение языка из труда. Эту задачу он, надо сказать, решает весьма изящно: постулированный им ручной первоязык – это также одновременно и «первотруд», «первопроизводство», в котором

главным и *первым* орудием труда была рука. Она же – и орган, орудие языка, синтаксис которого был производным самого процесса производства: «Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком – жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык, по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным» (Марр 1936: 85). Иначе, по Марру, и быть не могло, так как первоначально выразить что-либо (образ) с помощью звука было принципиально невозможно, т.к. звуки сами по себе не могут ничего выражать, и пока «не возникало членораздельной звуковой речи, наследственно воспринявшей все достижения линейного языка с помощью руки, это природой данное орудие, собственно две руки, являлись выразителями речи: рука или руки были языком человека. Жесты, мимика и в некоторых случаях вообще телодвижения исчерпывали средства языкового производства» (Там же: 201).

Введением ручного языка Марр как бы снимает противоречия концепций Энгельса (мышление животных) и Нуаре (допущение некоей неконцептуализируемой «сумеречной полосы мышления и языка»), сохраняя принцип первичности труда и принцип языка как *prorgium* человека. Поскольку рука предшествует труду, являясь как бы его условием и будучи его первоорудием, то она же в комплексе ручного языка предшествует и языку, сама являясь его орудием. Язык подчиняется труду тем, что постулируется его изначальное соответствие производству: поскольку протолюди руками трудились, то, следовательно, ими же они осуществляли коммуникацию в процессе первопроизводства. Язык таким образом рождается из труда как бы напрямую, ибо сам он изначально и есть труд и орудие труда (и уже затем – орудие общения). Поскольку Марр часто употребляет термин «язык-мышление», но здесь можно обозначить этот первокомплекс труда и языка, «первопроизводства», термином «язык-труд». С овладением же человеком искусственными

орудиями труда возникает звуковой, т.е. привычный нам язык.

Философ-марксист и одновременно маррист А.М. Деборин, автор единственного философски фундированного марристского текста «Новое учение о языке и диалектический материализм» (1935), подмечает глубокую философско-лингвистическую новизну Марра и ее связь с идеями Энгельса: «Труд создал самого человека, говорит Энгельс. Но первым орудием труда была рука как орган тела, отделившийся по своей функции от задних конечностей, от ног. <...> Можно сказать, что рука и труд рождаются одновременно, и с этого именно исторического момента начинается господство человека над природой. Энгельс правильно подчеркивает, что вместе с развитием руки и труда развиваются и органы чувств, из них прежде всего чувство осязания. Из непосредственного процесса труда Энгельс выводит также и происхождение языка. Однако, Энгельс говорит лишь о звуковой речи. Новейшие исследования – а из них первое и главное место занимают работы Марра – привели к выводу о существовании ручного языка, причем ручной язык, как и звуковая речь были вначале производственными, а не разговорными языками» (Деборин 1935: 30). Труд-производство находится в центре картины Марра: возьмем его определение языка в сравнении со сталинским, с их одинаковым *genus proximum*, но совершенно разными подходами, отлично выражающимися в коротком «жанре» определения. Марр не может обойтись без глоттогенетического экскурса, довольно-таки, кстати, развернутого, несмотря на лаконичность: «Язык есть орудие общения, возникшее в трудовом процессе, точнее – в процессе творчества человеческой культуры, т.е. хозяйства, общественности и мировоззрения» (Марр 1936: 127). Сталина же происхождение языка не заботит совершенно, и для него вполне достаточно, что «язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания» (Сталин 1953: 12).

Таким образом, концепция ручного языка является составной частью трудовой теории глоттогенеза Марра и безусловной новацией ученого. Ни у Энгельса, ни у Нуаре не то чтобы предположения о ручном языке, но даже и отделенных намеков на него мы не находим (хотя Марр и марристы пытались приписать истоки этой идеи Энгельсу). Однако у этой идеи имеются предшественники. Непосредственным источником вдохновения гипотезы ручной речи Марра была концепция миметического языка В. Вундта, выдвинутая им в работе «Душа человека и животных» (1863), в которой, помимо прочего, он ставил задачу с помощью методов психологии прояснить происхождение языка. Понимание и определения языка у Вундта прочно связывается с психологией: «Понятие языка не связано исключительно со словом. Язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движения» (Вундт 1966: 484). Именно Вундт впервые выдвинул и предпринял попытки обосновать гипотезу, суть которой заключалась в том, что «языку звуков» предшествовал «мимический язык», «язык телодвижений», «язык жестикуляции» (Там же: 480–485). Общим основанием этой гипотезы было предположение, принимаемое и Марром, согласно которому звук изначально не может служить средством выражения и передачи представления, сообщения, ибо никаким образом не может быть связанным со смыслом; тогда как мимика и телодвижения могут и должны выполнять такие функции, которые отнюдь не сразу и не быстро перейдут к слову, к звуковому языку. Вывод Вундта таков: «...Вопрос о происхождении языка мы свели к вопросу о происхождении мимических движений вообще. Этим он упрощается настолько же, насколько обобщается» (Там же: 485). Заметим, что связь человека и животного мира пролегает именно в плоскости миметического языка, который аналитически, по Вундту, «уничтожает даже границу между человеком и животным» (Там же: 483).

Признавая влияние концепции Вундта на разработку Марром его теории глоттогенеза (сам Марр прямо это влияние не признавал, но

и не отрицал), следует уточнить, что рассуждения Вундта не носят характер той стройности и развернутости, которая наблюдается у Марра. Более того, как таковой концепции ручного языка у Вундта попросту нет, или же она дана в расплывчатом, контурном виде. К тому же представления / сообщения у Вундта транслируются не только (и, может быть, не столько) с помощью рук, сколько всем комплексом телодвижений и мимики: недаром основной термин Вундта звучит как «мимический язык». Отсутствует в работе Вундта и конструкция перехода к звуковой (словесной, если точно следовать его тексту) речи, тем более нет и не может быть у него целой эпохи ручного языка. У Марра же этот переход от одной эпохи к другой прописан очень четко, с полной антропологической и даже «политической» (производство, порождающее «пра-классы») концептуализацией.

Появление звуковой речи напрямую связывается Марром с развитием труда, а именно с овладением человеком искусственными орудиями труда: звуковая речь формируется «в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и обработанные...» (Марр 1933: 212); или же: «Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия» (Марр 1936: 129). С орудийным трудом и звуковым языком у Марра, как и у Нуаре, связано появление и развитие абстрактного, понятийного мышления, причем эта концептуальная линия выстроена Марром даже более четко, чем это показано Нуаре.

В свою палеонтологическую конструкцию развития звукового языка Марр вводит много спорных, а то и сомнительных элементов, что во многом затеняет тот постулат, что главным движущим мотивом в этом процессе был труд, развитие орудийного труда. Вместо продуктивного поиска в обозначенном направлении Марр, добавляя в конструкцию магию, тотемы и пр., попросту сбивался в

бессвязные рассуждения; и проблема перехода от ручного языка-мышления к логическому (отвлеченному, понятийному) не получила у Марра конструктивного решения, а его «магические штудии» обрекли как последователей, так и исследователей путаться в «труд-магической тарабарщине» и дебрях четырех элементов, которые представляются то как тотемы, то как коллективные орудия производства и потому «средства эксплуатации». Постулировав «труд-магизм» вместо «труд-символизма», Марр, по сути, свел собственную трудовую теорию глоттогенеза к абсурду. Звуковая речь с момента своего появления трактуется Марром как магическое средство, используемое соответственно первым в истории классом – магами. Звуковой язык изначально был, по Марру, одновременно и одним из орудий труда (наряду с топором, молотом и т.п.), и частью, а впоследствии и основой новой технологии, нового, более эффективного *способа производства*. Однако социальный аспект в генезисе звуковой речи благодаря «магизму» получил деформированное преломление, фактически ретушировав проблему развития у людей способности к символизации, которая была не так уж и неудачно поставлена в связи с ручной речью и «снята» из-за введения постулатов о магизме звуковой.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для продвижения своего учения Марру было важно оформить его как «марксизм в языкознании». Именно так с середины 1920-х гг. разрабатывалось и подавалось «Новое учение о языке». При этом сам Марр не был хорошо знаком с марксизмом, и дело сводилось лишь к тому, чтобы проводить соответствующую риторику и приводить как можно больше цитат из Маркса и особенно из Энгельса, которого с определенным успехом можно поставить в ряду истории языкознания. Таким образом, к марксизму он относился вполне прагматично, потребительски, по словам В.М. Алпатова, преследуя цель «использовать марксистское учение часто путем явной фальсификации, как источник

своего учения» (Алпатов 2018: 73). В плане потребительского отношения тот же подход характерен и для обращения Марра и марристов с идеями Нуаре, но в обратном смысле: если роль классиков марксизма следовало любыми способами подчеркнуть, то роль Нуаре – наоборот, нивелировать или, во всяком случае, свести к минимуму. Получилось в итоге так, что ряд интересных и продуктивных идей Нуаре, особенно некоторые элементы его развернутой картины «орудийного» происхождения языка, остались практически вне поля научного внимания Марра и марристов, что явным образом обеднило «Новое учение о языке» в его глоттогенетической части. Однако при всем этом его идеи были достаточно интересны и в каком-то смысле – если не эвристически, то как минимум в отношении «метафизики языка» – ценны, даже плодотворны, особенно если учитывать тот факт, что гипотеза об изначальной жестовой речи в связи с развитием способности человека к символизации с 1970-х гг. привлекает все больше внимания в мире лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: УРСС, 2018. 284 с.
- Аптекарь В. Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. М.: Госсюэкгиз, 1934. 185 с.
- Деборин А. М. Новое учение о языке и диалектический материализм. М.; Л.: АН СССР, 1935. 66 с.
- Вундт В. Душа человека и животных. Т. II. СПб.: Типография Н. Тиблена и К°, 1866. 551 с.
- Леонтьев А. А. Проблема глоттогенеза в современной науке // Энгельс и языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Наука, 1972. С. 135–157.
- Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. М.; Л.: АН СССР, 1933. 400 с.
- Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 2. Основные вопросы языкознания. М.; Л.: АН СССР, 1936. 524 с.

- Никандров А. В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 46–70.
- Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Давидзон И. (пер., предисл, прим.). [Харьков]: Гос. изд-во Украины, 1925. 396 с.
- Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953. 56 с.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1940. 338 с.
- Энгельс Фр. Роль труда в процессе развития обезьяны в человека. СПб.: Изд-во Марии Малых, [1906]. 14 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: URSS, 2018. 284 p. (in Russian).
2. Aptekar' V. B. N.Ya. Marr i novoe uchenie o yazyke [Nikolai Marr and new doctrine of language]. Moscow: Sotsekgiz, 1934. 185 p. (in Russian).
3. Deborin A. M. Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiy materialism [The new doctrine of language and dialectical materialism]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1935. 66 p. (in Russian).
4. Engels F. Dialektika prirody [Dialectics of nature]. Moscow: OGIZ, Gospolitizdat, 1940. 338 p. (in Russian).
5. Engels Fr. Rol' truda v protsesse razvitiya obez'yany v cheloveka [The role of labor in the process of the transition from ape to man]. Saint Petersburg: Maria Malykh Publishing House, [1906]. 14 p. (in Russian).
6. Leont'ev A. A. Problema glottogeneza v sovremennoi nauke. [The problem of glottogenesis in modern science] // Engel's i yazykovoznanie. Yartseva V.N. (ed.). Moscow: Nauka, 1964. P. 135–157. (in Russian).
7. Marr N. Ja. Izbrannye raboty. T. 1. Etapy razvitiya yafeticheskoi teorii [Selected works. Vol. 1. Stages of development of Japhetic theory]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1933. 400 p. (in Russian).
8. Marr N. Ja. Izbrannye raboty. T. 2. Osnovnye voprosy yazykoznaniiya [Selected works. Vol. 2. Basic questions of linguistics]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1936. 524 p. (in Russian).
9. Nikandrov A. V. Lingvistika i politika: politicheskie motivy i tsel' "svobodnoi diskussii po voprosam yazykoznaniiya" 1950 g. [Linguistics and politics: political motives and purpose of Free discussion on problems of linguistics of 1950] // Diskurs-Pi. 2023. Vol. 20, No 1. P. 46–70. (in Russian).
10. Noiré L. Orudie truda i ego znachenie v istorii razvitiya chelovechestva [The tool of labor and its significance in the history of human development]. I. Davidzon (transl., pref., notes). [Kharkov]: State publishing house of Ukraine, 1925. 396 p. (in Russian).
11. Stalin J. V. Marksizm i voprosy yazykoznaniiya [Marxism and problems of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat, 1953. 56 p. (in Russian).
12. Wundt W. Dusha cheloveka i zhivotnykh [The soul of man and animals]. Vol. II. Saint Petersburg: Printing house of N. Tiblen and Co., 1866. 551 p. (in Russian).

This page is intentionally left blank